

ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ ВРАЧА

К. ДЮРКХАЙМ

Данный текст представляет собой фрагмент из книги психолога, психотерапевта и философа К. Дюркхайма «Überweltliches Leben in der Welt». К. Дюркхайм — основатель экзистенциально-инициальной психотерапии — одной из видов экзистенциальной психотерапии. Хотя К. Дюркхайм не обсуждает прямо свой терапевтический подход в терминах феноменологии и феноменологического метода, по сути, онтология, лежащая в основе этого терапевтического подхода чрезвычайно близка основным идеям философской феноменологии М. Хайдеггера, а методы работы, практикуемые в его школе терапии, являются интереснейшим вариантом феноменологической работы с переживанием. В данном тексте автор осуществляет оригинальную критику естественнонаучного и гуманистического подхода к личности и раскрывает свои представления о существе человека.

Ключевые слова: личность, психотерапия, трансформация, целостность, естественнонаучный подход, гуманистический подход.

Карлфрид Дюркхайм, психолог, философ, психотерапевт, стоящий в одном ряду с крупнейшими фигурами XX века — М. Хайдеггером, К.Г. Юнгом, К. Роджерсом, — по странному недоразумению до сих мало известен отечественным психологам и психотерапевтам.

К. Дюркхайм — человек редкой и необычной судьбы. Он получил психологическое образование, работал доцентом Лейпцигского университета и был учеником и соратником основателя Лейпцигской школы целостной психологии — Ф. Крюгера.

Во время Второй Мировой войны он оказался в Японии, где провел в общей сложности около десяти лет. Там он стал учеником одного из выдающихся мастеров дзен, под руководством которого осваивал традиционные практики, в частности — искусство стрельбы из лука. Выучив японский язык, он опубликовал на нем работу, в которой проводил параллели между дзен-буддизмом и работами М. Экхарта.

Вернувшись в Германию, К. Дюркхайм совместно со своей будущей супругой — Марией Гиппиус — основал (в местечке Рютте в Шварцвальде, недалеко от дома Хайдеггера) Школу экзистенциально-инициальной психотерапии.

Кроме того, он стал переводчиком и комментатором многих дзенских текстов и, быть может, — одним их наиболее значительных учителей дзен на Западе.

В психотерапевтической практике К. Дюркхайма сплелись и нашли продолжение и развитие все эти основные линии его интересов. В настоящее время по всему миру — не только в Германии, но и во Франции, Бельгии, Швейцарии, Бразилии, Австралии и др. странах — насчитывается уже несколько десятков тысяч его учеников и последователей.

Многочисленные работы Дюркхайма, принадлежащие классике современной психотерапии, переведены на многие языки. К сожалению, на русском языке, кроме вышедшей в далеком 1992 году в неудачном переводе книги «О двойственном происхождении человека» и небольшой статьи в нашем журнале, Дюркхайм до сих пор не издавался.

Публикуемый ниже текст представляет собой фрагмент работы Дюркхайма, в котором предпринимается попытка серьезной критической аналитики современной психотерапевтической мысли. Здесь автором ставится под вопрос расхожая оппозиция естественнонаучного и гуманистического подходов и убедительно показывается, что действительная реализация лично ориентированного подхода требует преодоления этой оппозиции, причем — преодоления, исходящего из радикального пересмотра самого понимания феномена личности. Радикальность этого пересмотра, по мысли Дюркхайма, требует преодоления понятия личности в его собственно традиционном психологическом содержании, поскольку предполагает, по сути, переход от понимания личности, сказал бы Хайдеггер, в терминах «сущего», т.е. от вещно-объектного понимания — к собственно «бытийному», т.е. со-бытийному ее пониманию.

Такой ход не является, конечно, чем-то совершенно новым для современного читателя, знакомого с работами М. Бахтина, М. Хайдеггера или М. Мамардашвили. Но у Дюркхайма мы находим попытку конкретного проведения этой мысли, укорененную в глубоком понимании психотерапии «изнутри».

К. Дюркхайм был современником М. Хайдеггера и, хотя каждый из них шел своим путем, и манера их философствования и характер их дискурсов различны, все же важнейшие ходы их мысли часто поразительным образом близки. Есть такая близость и в публикуемом тексте.

Как известно, в своем анализе техники М. Хайдеггер показывает, что современная техника, основывающаяся на естествознании Нового времени, установлена на овладение и подчинение «сил природы», на «**поставление**» их на службу задачам производства. Это особое, характерное для современной техники «**отношение овладения**» определяет и особый способ раскрытия этой техникой «природы». Техника в таком случае заставляет «природу» присутствовать как всегда уже «**наличную в распоряжении**» для произвольного ее «употребления», как систему сил, которые всегда уже наличны, действие которых можно рассчитать и предсказать.

Подобно этому можно показать, что и современная **психотехника**, в частности, реализуемая в современных психотерапевтических практиках, также ориентирована на овладение и управление психикой, сознанием, личностью и на предоставление их в подручное наличие для использования в тех или иных целях. Тем самым такая психотехника оказывается включенной в своего рода «поставляющее производство» человека.

По сути, критика К. Дюркхаймом современной антропологии и бытующих сегодня в медицине и психотерапии представлений о здоровье очень близка хайдеггеровской критике современной техники, встраивающей природу и человека в поставляющее производство.

В противовес этому, К. Дюркхайм отводит психотерапии такое место, где задачей терапевта становится не «**постав**» здоровья и благополучно функционирующего человека, но, прежде всего **забота** о его собственно личностной — бытийной — сути.

Это ключевое и для философии Хайдеггера «основное различие» — различие сущего и бытия — лежит и в основе размышления Дюркхайма о путях современной психотерапии и о реализуемом ею понимании подлинного существа человека. Это существо человека, по мысли Дюркхайма, не есть некий заложенный в человеке «потенциал», но есть развивающаяся способность человека предельно индивидуально, личностно воплощать в «горизонталь» пространственно-временного мира сущего «вертикаль» Бытия. Именно в этом — в радикальной трансформации человека, в его преображении, в его превращении — говоря средневековой формулой, к которой прибегает здесь Дюркхайм, — из «человека мира» в «человека бога» и, состоит, по его убеждению, предназначение, при-звание человека. И именно на сопровождение человека на этом пути и должна быть установлена действительно личностно ориентированная психотерапия.

В.В. Архангельская

В каждом направлении терапии реализуется определенное представление о том, что есть существо человека и в чем состоит его предназначение. Изменение этих представлений ведет к изменению смысла самой терапии и понятия здоровья.

Так, в том кризисе, который переживает сегодня западная медицина, со все большей очевидностью дает себя знать изменение положения человека.

С одной стороны, современность захвачена чуждой личности **рационализацией** жизни и медицины, которая ныне подходит, быть может, к своему апогею. Но одновременно, с другой стороны, и в ответ на это обезличивание жизни, человек **пробуждается как личность** — это же происходит также и в приемной врача.

И это ставит искусство врачевания перед новой задачей.

Процесс, который ведет к рационализации жизни, но также и медицины, еще не закончился. **Естественнонаучные методы** медицины непрерывно развиваются, совершенствуются и ведут к новым сенсационным достижениям.

При этом врач и пациент все реже встречаются друг с другом как человек с человеком. На место **личной встречи** все в большей мере встает пугающее своим размахом **объективирующее отношение** между безличным «сообществом врачей», то есть «командой», коллективом узких специалистов, с одной стороны, и с другой — «застрахованным», организованным «сообществом пациентов», которое обращается к врачу с юридически обоснованным правом на **безличную, научно обоснованную услугу**. Современное здравоохранение отчетливо демонстрирует то безличное функционирование чуждых личности организаций, которое господствует и во всей социальной жизни, экономике и промышленности.

«Здоровье» не означает здесь ничего другого, кроме как **гарантированной работоспособности**, обеспечивающей человеку **безупречное функционирование** на рабочих местах в таких организациях и успешное соответствие безличным требованиям прагматически организованного мира.

И вот в таком-то без-человеческом мире, организованном только по рациональным принципам, где человек воспринимается только как «объект», и начинает пробуждаться человек как Субъект. Это есть

пробуждение — от «больного» к человеку и, далее, — от человека к личности.

Такой человек хочет, чтобы его воспринимали всерьез и обращались с ним не только как с «пациентом». Это ведет к повороту внутри самой медицины — повороту к личности.

С точки зрения, основанной только на рацио и на сознании, подчиненном рационально организованному миру, человек представляется лишь как **«вещь»**, так что с ним и обращаются соответствующим образом. Для обычной медицины эта вещь есть **физический** или, как стали говорить в последнее время, **психофизический организм**, «повреждения» которого необходимо рассматривать с научно-исследовательской дистанции, безлично — только как «случай», как объект лечения. При этом **целью лечения** является максимально быстрое возвращение возможности **бесперебойно функционировать** в обыденном мире.

Разумеется, человек принадлежит также и обыденному миру и должен при необходимости уметь с ним обращаться. Однако **целостность** человека есть нечто большее, чем просто вещь, которую можно **«отремонтировать»** такими же вещными средствами. Человек есть также и личность, есть субъект, и то, что в нем можно понять и с чем можно обращаться «рационально», образует **только часть** внутри целого его жизни как личности. И в конечном счете даже и это «рациональное» можно увидеть и понять правильно, только исходя из этой **личностной целостности**.

Система координат, в которой человек живет как личность, не есть «мир», задаваемый и определяемый только пространственно-временными и причинно-следственными законами. Внешним законам объекта противостоят внутренние законы субъекта.

Жизнь вообще протекает не в одной, но в **трех** плоскостях.

Низшая касается **природы тела**, которая от рождения до смерти подчинена **биологическим** законам.

Вторая соответствует **природе Я**. В ней речь идет о **страдании и избавлении от страдания**, о предназначении и исполнении предназначения, о возможностях и воплощении собственной самости (Selbstes). Из боли и радости, из успеха и поражения — в личностном пространстве и во внутреннем времени — вырастает человек в теле судьбы своего Я. Он ищет безболезненной, защищенной и счастливой жизни перед лицом уничтожения, отчаяния, одиночества и смерти.

Такое Я нуждается в понимающем и помогающем человеческом обхождении со стороны другого человека и ожидает от врача гуманного подхода к своему страданию.

В третьей же плоскости человек **трансцендирует** природные миры своего тела и своего Я и ищет **раскрытия своего существа** в контакте с некой духовной жизнью. И в этом случае он ставит перед врачом совершенно новые задачи.

В наше время врач должен понять, что человек как «личность в процессе становления» претерпевает не только страдания своего Я и страдает не только от того, что не может выполнять свои обязанности на работе, но — также и от неполноты воплощения своего **не принадлежащего этому миру, духовного существа**, которое стремится проявиться в человеке в только ему присущей форме, даже вопреки сопротивлению со стороны окружающего мира. Это существо может давать о себе знать в виде боли и страдания. В глубине этого существа человек ищет уже не просто гуманного и заботливого понимания со стороны врача, но — **зова, руководства и сопровождения** на внутреннем пути.

Предназначение человека как личности исполняется в никогда не прекращающемся **превращении** из **subjektum mundi**, человека, живущего только своим Я, в **subjektum dei** — такого человека, каким он задуман в своем существе. В исполнении этого предназначения состоит **основной закон личности** каждого человека.

Об обращенной к личности медицине можно говорить не там, где врач смотрит на человека лишь как на объект, как на «случай», и не там, где он «гуманно» откликается на страдания Я, но — только там, где врач принимает больного всерьез под знаком **основного закона его личности** и в рамках своих врачебных возможностей **сопровождает** человека на его **пути к личности**.

В то время как прежнее понятие здоровья касалось только способности человека держаться успешно и без болезней в обыденном мире, обращенная к личности медицина расширяет представление о здоровье до понятия «**ис-целения**», до обретения возможности «**бытия цельным**».

«Бытие цельным» подразумевает такое состояние человека, в котором он — в соответствии с требованием своей сути — пребывает на пути все расширяющегося превращения в **subjektum dei**, оказываясь при этом в согласии не только с миром, но и с Богом.

Таким образом, как всякое действительно личностное понимание человека, так и всякая медицина, ориентированная на личность, являются в своей основе религиозными, то есть «**инициальными**».

Это не означает, что она должна быть привязана к определенной религии или вероисповеданию, равно как не означает и того, что она должна применять — дополнительно к медицинскому диагнозу и терапии — какие-либо классические религиозные методы или практики.

Это означает, прежде всего, что врач, какую бы болезнь он ни лечил, должен принимать во внимание **духовную сущность** человека и все время помнить о ней, видеть больного под знаком основного закона его личности и сопровождать его на пути соответствующей этому закону трансформации.

Обращенная к личности медицина является чем-то иным, нежели прикладная психология. Именно как личность человек может быть потерян как в рамках биологического, физиологического, так и в рамках психологического подхода к лечению.

Безличная, узко специализированная медицина имеет своей целью только восстановление способности безупречного функционирования в мире.

Лечение, которое имеет в виду только потребности естественного Я, лечение, ориентированное только на достижение защищенного и безболезненного существования, также проходит мимо духовного существа человека и, вместе с тем — мимо его истинного предназначения.

Таким образом, можно сказать, что и «такая медицина и терапия мешает человеку встать на путь действительного ис-целения — в силу того, что пытается сделать его “здоровым” в обход достижения цельности его существа, то есть сделать его “без-цельно” здоровым» [Müller-Eckhard, 1954].

Всякая болезнь мешает осуществлению того плана и того порядка, которые человек реализует в качестве природного Я, или даже разрушает их. Но, тем не менее, всякое страдание, которое человек в качестве *subjektum mundi* воспринимает как препятствие, есть одновременно шанс для его превращения в *subjektum dei*.

Чем неожиданней, глубже и безысходней болезнь вторгается в жизнь, тем большее сопротивление пытается оказывать ей Я. Со свойственным ему нетерпением и усердием оно стремится как можно скорее и любыми средствами снова стать здоровым и успешным, тем самым оно препятствует действию скрытых ис-целяющих сил и остается глухо по отношению к голосу сущности.

Действие же сущности никогда не нацелено только на устранение мешающего симптома, но всегда и прежде всего — на **трансформацию и созревание всего человека**.

«Застревание» же только на самоутверждении и функционировании в мире природного Я — это не просто психологический **корень** большинства болезней человека, но также и то, что стоит на пути подлинного **ис-целения**. Таким образом, особой задачей врача в каждом случае становится **преодоление** этого застревания.

Врачу, который понимает, что он становится — часто даже вопреки самому пациенту — союзником не его естественного Я, но его сущности, и который все время, с чем бы он ни имел дело, имеет в виду «личность в процессе становления», открываются новые возможности.

В ситуации, когда пациент оказывается на границе своего понимания и своих возможностей, в нем могут пробудиться некие неприродные силы и возможности его сущности, и если при этом быть правильно установленным по отношению к ним, они начинают действовать целительно.

Если больной правильно установится, то прямо из пропасти бесилия и из тьмы непонимания может пробиться светлый источник исцеляющего духа. Врач может помочь больному смело смотреть в лицо **непонятому** и, вместо того чтобы бунтовать, оказать ему полное доверие.

Конечно, такое может сделать только тот врач, который **на себе** испытал, что исцеляющий дух кроется как раз в непонятом.

Врач, обращенный к личности, не апеллирует к силе духа и воли больного, но **открывает свое сердце** для проникновения сил, исток которых находится вовсе не в рациональном.

Под влиянием этих сил исчезают нетерпение, напряжение и страх, и на пути исцеления личности и физическое выздоровление быстро продвигается вперед. Знание о **целительном и преобразующем действии доверия**, которое помогает человеку пройти через бессилие и болезнь, является самым существенным и необходимым условием личностно ориентированной медицины. Врач, который смог бы способствовать раскрытию в пациенте целительного источника «большого» доверия и который оказался бы способен превратить природное сопротивление болезни в импульс для продвижения на внутреннем пути, инициировал бы путь исцеления, которое выходит далеко за рамки того понимания здоровья, подразумевающее лишь отсутствие болезни и успешное функционирование.

Переступает ли такой врач границу, установленную ему медициной?

Разумеется, нет: он шагает в ногу с ней, только берет каждый шаг от целого. Его знания медицины и психологии, его опыт владения методами классической медицины не исключаются вследствие этого, они лишь включаются в более широкую связь, соответствующую целостности человека.

Подчинение всех врачебных действий **основному закону личности** ведет не к ограничению, а к дифференциации и углублению традиционных естественно-научных способов и методов лечения.

Естественно-научная медицина, так же как и психологический анализ, становятся по-настоящему плодотворными только в той мере, в какой они правильно понимают личность и способствуют ее **высвобождению и развитию**, — только тогда, когда они принимают это как задачу **всякой** медицинской или психологической работы.

Там, где личность выступает на передний план познания и действия, традиционная медицина только в большей мере может проявить свою плодотворность, кроме всего прочего, еще и потому, что в ней будет преодолено традиционное для рационалистической мысли — и в основе своей препятствующее обретению целостности и достижению ис-целения — **разделение души и тела**. Психическое и телесное с личностной точки зрения являются не двумя отдельными реальностями, но только двумя способами, какими человек себя переживает и выражает.

«Живое тело» является чем-то совсем иным, нежели «живой труп».

Живое тело есть способ, которым человек переживает, выражает и реализует себя в качестве субъекта целостного жизненного «жеста». Устоявшиеся или мимолетные «жесты» могут либо **соответствовать основному закону личности**, либо, наоборот — **идти вразрез с ним**, могут быть **прозрачны и открывать** сущность человека, а могут, напротив — **закрывать и загораживать** ее.

Врач, который обращен к личности больного, будет видеть не просто большие части его тела, но, прежде всего, — воплощение некой более общей позиции больного. Позиции, в которой проявляет себя тот **способ, каким человек присутствует здесь**: открыт ли он по отношению к своей сути или оказывается в плену своего обыденного Я.

Таким образом, настоящий врач по общей осанке, по соотношению напряжения и расслабления, по характеру дыхания узнает и понимает, фиксирован ли человек (и если да, то в какой мере) на своем нетерпеливом и полном страхе Я, — или же он крепко стоит в своей истинной середине, свободно и с полным доверием присутствует здесь-и-теперь. В осанке, которой недостает устойчивости, в напряжении или расслабленности, в неправильном и слишком ровном дыхании он видит признаки недостаточного **основного доверия** и спокойствия и, стало быть, — понимания сущности. Таким образом, он будет прежде всего заботиться о том, чтобы помочь больному обрести правильную осанку, правильное расслабление, а стало быть — и правильное дыхание, то есть обрести такое телесное состояние, в котором — **благодаря прозрачности по отношению к сути** — высвобождаются глубинные **исцеляющие силы**.

Однако врач может **воспринимать больного** как личность только тогда, когда **сам он подчиняет** свою собственную жизнь основному закону личности, когда он и свое собственное тело принимает всерьез как воплощение и выражение его собственного бытия как личности, когда он и сам без устали работает над своей правильной осанкой. Только тогда он оказывается способным помочь также и своему пациенту — независимо от того, с каким заболеванием он имеет дело, — найти правильную осанку, правильное расслабление и правильное дыхание.

Современные врачи еще слишком мало знают о теле. Об этом говорит то, что до сих пор оно рассматривается слишком материалистично и рационалистично.

Однако поворот врачей к личностно ориентированной медицине с ее человеческим подходом к Я пациента, страдающему от воздействий обыденного мира, и к сути, страдающей из-за Я, ни в коем случае не означает отказа от правильно понимающей свое дело медицины.

Итак, персональная терапия покоится, в самом общем смысле, на трех положениях:

- объективность по отношению к медицинскому случаю,
- сочувствие к страдающему человеку и
- поддержка силы, направляющей человека на пути к личности.

Таким образом, хороший врач должен:

1. Иметь хорошие **знания** в различных областях медицины, как этого требует классическая медицина. Он проверяет их в беспристрастно-объективной установке, выдерживая определенную дистанцию по отношению к пациенту. Там, однако, где эта установка становится доминирующей, больной становится просто «случаем», и человек как таковой теряется.

2. Обладать теплым сочувствующим сердцем, реализовывать гуманное **эмпатическое понимание** и быть рядом со страдающим человеком, претерпевающим свою судьбу в этом мире. Когда, однако, это сопрягается лишь с установкой на объективное отношение, врачебная помощь ограничивается лишь природным Я и телом его судьбы.

3. Уметь всерьез **понять и принять внутренний путь** человека, заданный основным законом его личности. Из этого проистекает установка по отношению к больному, которая содействует внутреннему созреванию человека и — при условии человеческого доверия — вновь учреждает тот **просвет** (зазор), из которого приходит **зов** и может исходить подлинное **сопровождение на пути**, на котором устанавливается личность.

Ближний в психотерапии

В психологии, как и в общей медицине, совершается поворот к личности. Пациент все в большей степени становится не «объектом», не «случаем», но — «Другим», «Ты», к которому терапевт обращается уже не как специалист, а как личность к личности. С этим изменением вступает в игру собственно человеческий фактор.

Однако требование объективности остается.

Проблема, которая возникает при этом, проистекает из противоречия между позицией, когда терапевт должен оставаться человеком дела, холодным и дистанцированным по отношению к пациенту, и позицией, когда он должен относиться к пациенту тепло и человечно и ощущать себя соединенным с ним.

Этот **внутренний конфликт** терапевта становится тем острее, чем в большей мере он, с одной стороны, чувствует себя обязанным естественно-научному знанию, которое не допускает никакой личностной близости, поскольку она может «замутнить» объективность разума и, кроме того, несет в себе опасность глубоких человеческих коллизий, а с другой стороны — чем в большей степени он понимает, что не может заглушить голоса своего сердца, коль скоро он принимает другого человека всерьез.

Сохранять объективное отношение тем труднее, чем в большей мере терапевт позволяет страданию пациента затронуть себя и чем больше он чувствует себя обязанным взять на себя ответственность не только за те свои действия, которые направлены на распознавание и лечение болезни, но и за судьбу своего пациента.

Тяжелое испытание, через которое при этом подчас приходится проходить терапевту, особенно глубоко было выстрадано Хансом Трюбом, который прошел через окрашенное большой трагичностью отделение от К.Г. Юнга, которое коренится в этой проблематике.

В своей посмертно опубликованной работе «Излечение встречей» [Trüb, 1951] Ханс Трюб на примере собственного становления как врача показывает границы объективного отношения и ставит в центр уважение к другому как к личности.

Терапевт только тогда — и теоретически, и практически — будет действовать удовлетворительно, когда он устанавливает себя по отношению к пациенту как личность и во всем до конца подчиняет объективный, научно обоснованный план лечения личностному измерению и индивидуальной истине своего партнера.

Это требование того, чтобы терапевт отдавал должное своему партнеру как личности, часто ошибочно понимается как требование того,

чтобы терапевт участвовал в терапевтической ситуации не только как по-деловому заинтересованный исследователь, но и как по-человечески помогающий ближний.

На самом же деле, когда говорится о «повороте к личности», речь идет о смене **фундаментального представления** о способе познания и об отношении к другому человеку — о переходе **от объективистского к гуманистическому** способу мышления.

Очень точно эту двойственность терапевтической ситуации не так давно зафиксировал Пауль Христиан. Он говорит о том, что в терапевтической ситуации пересекаются два способа обращения с Другим. «Обнаруживать и встречать» — так звучит заголовок его статьи [Christian, 1958].

«Обнаруживать — значит конституировать другого человека как объект во взаимосвязанном и рационально понятном мире.

Личностная же встреча есть нечто, радикально отличное от всех форм и фактов такого «обнаружения». Встреча может состояться только в непосредственном участии в здесь-бытии (Dasein) другого человека, в совместном исполнении действия, в котором непосредственно переживается со-бытие и личностная обращенность, во взаимном понимании и согласии друг с другом».

Однако проблема психотерапии только на первый взгляд состоит в противоречии между объективным познанием и гуманистическим отношением к партнеру. На самом деле натуралистической установке, из которой как раз и проистекает как объективное, так и гуманистическое отношение, следует противопоставить другую установку, которая позволяет, с одной стороны, перешагнуть через «природное», а с другой — «по ту сторону» ранее рассмотренной оппозиции — включает в себя обе ее части.

Пока проблема видится в противостоянии между «холодной» научной сдержанностью и «теплым» гуманистическим отношением, поворот к личности еще не произошел. Поскольку сама эта оппозиция располагается все еще в системе координат до-личностного «природного Я, то и человеческая жизнь, взятая в этой системе координат, рассматривается не иначе как расположенная между полюсом объективного и законосообразно понимаемого мира — и полюсом субъективной внутренней жизни.

Из этой же системы координат проистекает также и не менее безосновательное убеждение, что тот способ научного познания, который позволил естествознанию добиться высочайшего триумфа в области **технического освоения мира**, применим также и в области познания и сопровождения человека на его пути.

Несостоятельно также и мнение, что всякое действительно гуманное отношение замутняет взор и мешает ясному познанию, так как в роковом разделении плана человеческого счастья и страдания и плана бесстрастных пространственно-временных закономерностей эти планы оказываются только более тесно переплетенными.

Конечно, человечность разворачивается только в жизненном пространстве субъекта, вследствие чего она может ограничивать возможность объективного познания и создавать опасность человеческих коллизий.

И все же обе точки зрения — и объективистская, и традиционная гуманистическая — равно несостоятельны, поскольку в них обеих реализуется взгляд на человека, который ограничен только естественным взглядом на мир, возможность истинного **трансцендирования** здесь еще не раскрыта. Обе эти точки зрения, равно как и их оппозиция, должны быть преодолены.

Сегодня, чтобы действительно трансцендировать до-личностный взгляд на жизнь, беря человека как личностное существо, мы должны принять всерьез, что то привычное, но уже едва ли продуктивное представление об «объективной действительности», которое сложилось в естествознании (и которое реализуется в медицине, правда, в весьма ограниченной области), — ошибочно,

Таким образом, действительно, «научное рассмотрение человека в определенном смысле теряет личностное в человеке» [Ibid].

Следует разобраться, однако, с представлением о том, что невозможно достичь **личностной связи** с другим человеком никак иначе, нежели через **эмоциональное участие** в судьбе другого.

Да, Христиан прав — как бы это странно ни звучало — в том, что личностная встреча «не имеет ничего общего с какими бы то ни было способами быть “пораженным” в аффективном, или эмоциональном смысле»; он прав также и в том, что «в этом смысле психоаналитические феномены переноса и контрпереноса также принадлежат к плану “обнаружения”, а не личностной встречи».

Личностное отношение, которого ищет человек на пути к самому себе, покоится, прежде всего, не на партнерском участии другого человека в его судьбе, которая сама принадлежит обыденному миру, а на **над-личностной связи в над-мирной жизни**.

Только отсюда, будучи взята в плане связи между людьми, коренящейся в их **бытийной сущности**, личностная встреча получает свое действительное значение, и это справедливо также и в плане собственно человеческой верности при сопровождении человека в обусловленных миром личностных бедствиях.

Объективирующее рассмотрение человека, при котором он становится только «объектом» — неважно при этом, физическим или психическим объектом, — переходит свои собственные границы там, где речь идет о **человеке как личности**. Поскольку в этом случае мы уже больше не можем рассматривать человека как — анонимного и допускающего занять по отношению к себе дистанцию — носителя биологических, душевных, духовных или социальных функций. Мы встречаем тут человека как вполне определенного Кого-то. И этот Кто-то хочет быть воспринятым и принятым всерьез как Личность и высвободить свою жизнь из своей бытийной сути. На место «встречи **двух Я**» — Я терапевта и Я пациента — приходит встреча **двух личностей**.

И о каком бы нарушении ни шла речь, оно будет правильно распознано и правильно вылечено только будучи взято в экзистенциальном отношении личности к личности — разумеется, в предположении, что терапевт сам идет по пути.

В случае человека, понимаемого как личность, всякое нарушение должно рассматриваться только в плане его значимости на внутреннем пути человека.

Другой человек может быть воспринят как личность только личностным же взором. Этот взор проистекает из такой глубины бытия, в которой требование манифестации проявляется в стремлении человека исполниться в качестве такового и которая всех нас объединяет как братьев и сестер в бытии.

Только в таком, собственно личностном, отношении нет уже больше противоречия между объективным познанием и любящей помощью. Только тогда это лишь две стороны одного — раскрывающегося в свете бытия — личностного отношения. Само **познание** здесь означает одновременно и **единение**: оно становится **средой**, внутри которой Другой «**восходит**», причем не только для того, кто его ведет, но и — для самого себя.

Таким образом, жизнь как целое, равно как и терапевтическая ситуация в своей основе, будут переживаться совершенно по-разному человеком, живущим и действующим исходя из своего рационализирующего Я, которое остается еще пленником этого мира, и тем, кто смог трансцендировать свое Я и — сквозь сущее — пройти к бытию.

Гуманистическая сопровождающая установка по отношению к другому человеку, — если она, проникая вглубь явлений, ставит под сомнение свою истинность, поскольку она будто бы замутняет взгляд, отступая от беспристрастной деловитости, или ведет к коллизиям между людьми, руководствуясь «импульсами заботы», — демонстрирует тем самым отношение, которое еще не проникло в надличностную транс-

цендентную глубину самого терапевта и принадлежит еще полностью «природе» секулярного мира.

Между тем это отношение с необходимостью должно проходить к **над-личностной** действительности и к **подлинно личностному** желанию другого человека; поскольку в основе своей оно всегда направлено к освобождению от Я и на прорыв к сути.

Пока терапевт видит в другом человеке, прежде всего, страдания от ударов его судьбы, его личностная суть остается скрытой. Только там, где и сам терапевт присутствует преимущественно уже не из своего Я, а из внутреннего своего существа и где его внутренний взгляд направлен и пристально удерживается на метафизическом центре другого существа и противится его артикуляции только в терминах «тела его судьбы», — только там отступает опасность взаимного лишения свободы.

Это происходит тем в большей степени, чем в большей мере запускается процесс ис-целения.

Когда индивидуальность над-мирной сути человека берет верх над пространственно-временной детерминированностью его жизни, тогда преодолевается и господство Я, претерпевающего воздействия мира, — того сочувствующего и участливого Я, которое, приходя на смену холодной отстраненности, само при этом, однако, далеко от истинной свободы.

Бесплодное противостояние между объективным познанием и «человеческой, слишком человеческой» привязанностью преодолевается там и только там, где терапевт — в постоянном становлении от своего внутреннего существа — перерастает свое, принадлежащее миру Я, и где человеческая связь терапевта со своим «пациентом» укореняется в той реальности, которая трансцендирует естественное Я с его предметными фиксациями и всеохватывающими привязанностями.

Коррекция, которую, с точки зрения личностной терапии, необходимо выполнять по отношению к проблеме «познание и человеческая привязанность», основывается на различении **предметного познания**, которое покоится, в конце концов, на системе рациональных понятий, с одной стороны, и **«экзистенциального познания»**, которое, отправляясь от сущностной связи познающего с познаваемым, тем самым себя освобождает — с другой.

Коррекция понятия человеческой связи должна продвигаться в направлении таких отношений, которые являются целительными благодаря тому, что выводят на свет истину внутреннего существа человека.

Однако, это возможно только в том случае, если эти отношения укоренены не в плоскости пространственно-временной обусловленности,

которая требует либо безлично-холодной дистанции, либо человеческой привязанности, а в глубине существа личности.

Только в этом случае познание может быть освобождено от тех препятствий, которые порождаются господством в нашем сознании **субъект-объектной** схемы. Ибо эта форма сознания закрывает возможность трансценденции.

Конечно, до тех пор, пока терапия установлена только на восстановление возможности функционирования человека в мире, такого рода представления не мешают. Однако там, где речь идет о чем-то большем, чем избавление от прежних комплексов и защитных механизмов, **трансцендирование** форм сознания, в которых господствует рациональное и за все ответственное Я, оказывается необходимым.

Только тогда становится возможной терапия, которая нацелена на нечто большее, чем просто **адаптация** к миру еще **непробужденного** к своей сути человека и лишь восстановление его **естественных** способностей к наслаждению, работе и любви. Только там, где **дух терапии** оказывается «**духовным духом**», где он рождается из **опыта бытия**, где этот дух глубоко пережит как закон и идеал — только там он становится **ответственно ведущим** сознанием, только тогда восходит **свет** излучения человечности, который имеет одновременно и освещающую, и **ис-целяющую** силу.

Освещающей и одновременно исцеляющей эта сила становится там, где терапевт **видит сквозь** судьбу и страдание другого человека его **целостность** (Gestalt) — там, где терапевту удается увидеть его **суть**.

Решающим является также и то, что сама эта целостность должна быть воспринята не как внешнее, но как внутреннее по отношению к ее исторической действительности, то есть как сообразный сущности порядок судьбы, которая становится прозрачной по отношению к этой сущности и в пространстве которой сущность сама о себе свидетельствует.

В лучах этого истинного света становится возможным видеть другого человека от истины его существа также и в измерении его пространственно-временной обусловленности, в «оболочке» его принадлежащего миру Я.

Человек оказывается одновременно **освещен и затронут** в своем сущностном ядре, так что его укоренение в своей сути приводит к «переплавке» его судьбы и высвобождению **индивидуальной формы** этой его сути.

Таким образом, в этом свете лежит одновременно и **высвобождающая**, и **творческая** сила.

О высвобождении здесь можно говорить в том смысле, что когда обращаются к сути в человеке — возможно, впервые в его жизни, — то и он сам **открывается из сути**, «оттаивает», и внутри отклика этой его

окликнутой сути теряют свою власть «замороженные» формы поведения и «затвердевшие» заранее заготовленные ответы, т.е. происходит замыкание человека по отношению к его внутреннему существу.

В лучах того света, с которым встречается в этом случае человек, пробуждается **собственный свет** в нем самом, и благодаря этому начинается **внутренняя работа творческой внутренней трансформации**.

Где замерзшая земля вспахана, пробуждается и всходит то, что давно уже этого ожидало.

Перевод: В. Архангельская

Редакция: А.А. Пузырей

ЛИТЕРАТУРА

Christian P. Begegnung und Antreffen // Jahrbuch für Psychologie und Psychotherapie. 1958. № 4. S. 93—102.

Müller-Eckhard H. Von der Krankheit nicht krank sein zu können. Stuttgart: Klett-Verlag, 1954.

Trüb H. Heilung aus der Begegnung. Stuttgart: Klett-Verlag, 1951.

Humanity of the doctor

K. Dürckheim

The given text represents a fragment from the book of the psychologist, the psychotherapist and philosopher K. Dürckheim «Überweltliches Leben in der Welt». K. Dürckheim — the founder of existentially-initial psychotherapy — one of kinds of existential psychotherapy. Though K. Dürckheim does not discuss directly the therapeutic approach in terms of phenomenology and a phenomenological method, as a matter of fact, ontology, underlying this therapeutic approach is extremely close to the basic ideas of philosophical phenomenology of M. Heidegger, and the methods of work practiced at its school of therapy, are the most interesting variant of phenomenological work with experience. In the given text the author carries out the original criticism of the natural-science and humanistic approach to the person and opens the representations about a being of the person.

Key-words: the person, psychotherapy, transformation, integrity, the natural-science approach, the humanistic approach.

Christian Paul. 1958. Begegnung und Antreffen. *Jahrbuch für Psychologie und Psychotherapie* 4: 93—102.

Müller-Eckhard Hans. 1954. *Von der Krankheit nicht krank sein zu können*. Stuttgart: Klett-Verlag.

Trüb Hans. 1951. *Heilung aus der Begegnung*. Stuttgart: Klett-Verlag.